

ГЛАВА II МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ И ИХ БЕССОЮЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

СЕМАНТИКА МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ И/ИЛИ ГРАММАТИКА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

1. В течение долгого времени лингвистика — сознательно или под давлением метатеоретического прессинга — ориентировалась на выявление одноднзначных отношений: форма/единица грамматической структуры. Идентичность метаописания, выстроенного лингвистами, и той модели, которая соответствует формально-содержательным отношениям в синхронии и последовательности изменений членов той или иной парадигмы в диахронии, практически под сомнение не ставилась. Даже в настоящее время достаточно сложно осознать тот простой факт, что противопоставляемые в системе и в употреблении элементы валоризованы именно так лишь в метатеории, а в речупотреблении носителя языка они, скорее, представлены на подсознательном уровне. Факты такого рода уже вполне признаны, в частности, структурной антропологией К. Леви-Стросса. Несомненно, что носитель *pensée sauvage* не опишет свое поведение и мировоззрение в терминах и наборах признаков: верх — низ, мужской — женский, сырой — вареный, левый — правый и под. Между тем для языкознания мысль об асимметричности языковых моделей описания и реализации языковых элементов (как в синхронии, так и в диахронии) практически всерьез еще не вполне осознана.

Только в последние десятилетия антропоцентристский натиск оказывает все большее давление на гипнотическую распространенность позитивистской таксономии. В ряде работ, например коммуникативно-дискурсивного направления (см. об этом подробно в [Николаева 1984]), обнаружено, что изменение парадигмы управления (например, винительный падеж или родительный при некоторых русских глаголах) связано со степенью важности объекта для говорящего и отличается по роду и по одушевленности объекта: *Я боюсь скандала — Я боюсь Марию Ивановну; Я жду жену — Я жду письма* и т. д.

2. Все сказанное в течение очень долгого времени относилось и к квалификации отношений между единицами сложного предложения (clause). Эти отношения считались таксономически секуляризованными, равноправными и обладающими своими — для каждого свое — специфическими формальными средствами. То есть разделены сложноподчиненные предложения, например, условия, уступительности, причины, времени и проч. Предполагалось также, что, во-первых, бессоюзные предложения могут классифицироваться по той же рубрикации. Во-вторых, предполагалось, что каждый тип сложного предложения имеет свой специфический, ему соответствующий тип интонации.

В 60-е годы эта априорная установка в большой степени определяла тип исследований об интонационных средствах выражения отношения частей сложного предложения. Как ни странно, точность экспериментальной фонетики в данном случае была не подспорьем, а, скорее, приносила вред, так как смысловые отношения между частями фразы определялись не только типом союза, а целым рядом иных факторов, поэтому выведение средней интонационной модели могло иметь и свою специфику, за которой пряталась гамма более тонких «смыслов», просодическая структура которых тем самым оставалась невыясненной. Популярный сейчас тезис о том, что «дьявол таится в деталях», тогда еще не был распространен. А между тем его можно трактовать так, что, поскольку дьявол принадлежит *иному миру*, то анализ этих деталей может привести к раскры-

тию иных, по сравнению с усредненными, закономерностей, которые могут оказаться реликтами чего-то уходящего, маргинальными рефлексамии какой-то иной системы, представленной в синтаксисе сложного предложения более широко, и т. д.

3. Однако сейчас уже несомненно, что в реальной речи сложные предложения не раскладываются отдельно друг от друга, как разноцветные карандаши на прилавке, а комбинируются в виде разнообразных по семантическому наполнению пучков, соответствующих в формальном плане одной модели. Например (возьмем самые очевидные вещи), комбинируются временные и условные значения: *Когда в товарищах согласья нет...* Известно, что, в частности, в немецком языке здесь представлено и формальное различие: *wenn* — когда придаточное временное с компонентом условия и *als* — когда оно чистое временное. В отечественной традиции, как указывалось выше, этим вопросом наиболее фундаментально занимался В. Б. Евтюхин, сформулировавший нечто вроде теории полей в отношении сложного предложения. Конечно, упоминания о таком семантическом «склеивании» есть во всех Академических грамматиках, начиная с Грамматики 1954 г., но В. Б. Евтюхиным это подробно разработано и сформулировано в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса — обусловленности».

Было отмечено также, что содержательно комбинируются уступительные и противительные отношения: *Хотя и пришлось прождать автобус довольно долго, но в целом день прошел чудесно.* И. Фужерон исследовала подробно те ситуации, когда синтаксическая структура требует *но* или не требует его. В нашей совместной работе, исследующей возможные содержательные различия в употреблении *хотя* и *хоть* (см. выше), мы отметили, занимаясь уступительностью, смысловые пучки — содержательные комплексы в древнерусском языке.

Например, это семантический комплекс «пусть — если — хотя бы»:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать; Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Менее «расширенный» семантический комплекс «пусть — если»:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назватся, повелель съсечь его; какъ ни ѣсть хотя негъ согласия между ими и другъ друга укоряеть ѡбаче всѣ согласнo заповѣдь магометскую сохраняють; у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таится, а в князя дѣла ещо со мною не дѣлываль; есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яице без огня и рибу хотъ без дровъ и без огня. и т. д.

Несомненно, что при бессоюзном соединении фраз возникают содержательные пучки еще большей сложности. Например (из современной песни): *На дальней станции сойду — трава по пояс...* Здесь одновременно представлено и временное значение, и условия, и следствия, и места — «там, где...», и, возможно, последовательности действий. См. многозначность в соединении с иконичностью в знаменитой фразе: *Оборачиваюсь — Грушницкий*, которая на самом деле не такая простая синтаксически. Однако еще большая многозначность была бы в том случае, если она имела бы вид: *Я обернулся — Грушницкий*. Причина этому — исчезновение абсолютной иконичности при передаче последовательности действий во втором примере.

4. Удивляющим фактом, обнаружившимся при экспериментально-фонетических исследованиях интонации, оказалось то, что наличие/отсутствие союза, как это было замечено, не всегда влияло на изменение интонационной модели, которая, таким образом, определялась чем-то другим, хотя ранее можно было предположить, что наличие/отсутствие союза во многом обеспечивает однозначность/многозначность содержательной структуры. Например, *Завод получил новые заказы, началась война — «когда»...*

«едва только»... «потому что» и так далее. Кажется, что здесь можно вставлять почти все возможные союзы — и либо в первую, либо во вторую часть. Однако это не всегда так. И бессоюзная структура может быть однозначной. Может быть многозначной и союзная. Например,

Я закричал: испуг был таким сильным; Если Вы навестите меня, я буду рад; Почему жена смеется, он не понимал.

Кроме того, реальные исследования показали, что в некоторых случаях мы имеем дело не с содержательными «пучками» отношений, но с появлением того, что иногда на отношения внутри сложного предложения накладываются как бы дополнительные смысловые нюансы. Например, таковы подобные «суперсегментные» значения противопоставления, результата, пояснения и т. д. Например, во фразе: *Они считали его ребенком — он все понимал*, это противопоставление и уступительность.

5. Намечающийся пересмотр аксиоматики положений синтаксической теории дает основания для того, чтобы вернуться к экспериментальным данным, полученным автором настоящей статьи около тридцати лет тому назад [Николаева 1969; 1975], и их реинтерпретировать. Более конкретно, речь идет об экспериментально-фонетической проверке широко известного «компенсационного закона» А. М. Пешковского, предположившего, что в бессоюзном предложении мы будем иметь более «яркую» интонацию, чем в соответствующих семантически союзных (или в союзных вообще).

Книга «Интонация сложного предложения в славянских языках» [Николаева 1969] описывает следующий эксперимент. Были взяты сложные предложения со всеми предписанными канонически союзами и в их пределах сделаны следующие трансформации. Осуществлялась перестановка главного и придаточного: *Если вы навестите меня, я буду рад — Я буду рад, если вы навестите меня*. Производилось опущение союза с такой же последующей перестановкой: *Навестите меня, я буду рад — Я буду рад, навестите меня*. При этом во все трансформированные структуры вставлялись на стыке компо-

нентов сложного предложения разные знаки препинания из следующего набора: запятая, тире, двоеточие и скобки. Все высказывания, полученные таким образом, — как трансформированные, так и исходные, прочитывались тремя дикторами.

Для того чтобы конкретные акустико-интонационные показатели были сопоставимы, в работе была использована система релятивных показателей, посредством которых выявлялись наиболее типичные интонационные модели реализации двухфразовых единств. Так, в систему были включены три показателя паузы: большая (3), средняя (2) и минимальная (1); три показателя темпа: темп равновесный (1), больше длительность звука в первой синтагме (2), больше длительность звука во второй синтагме (3); три показателя мелодики: в первой синтагме мелодика восходящая (1), в первой нисходящая, но регистры равны (2), в первой нисходящая, а вторая произносится в гораздо более низком регистре (3). При введении такой нумерации получались индексации типа 111, 132, 333 и т. д. Так как эти индексы передавали вид отношений интонационных параметров при передаче частей сложного предложения, то эти индексы и были названы нами тогда интонемами. При этом существенным лингвистически оказалось то немаловажное следствие, что все прочитанные примеры распределялись по своим показателям не равномерно, а группировались не всегда предсказуемым образом вокруг четырех основных конфигураций. Например. Группа первая. Индекс 111 (то есть: пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая). Примеры:

Что касается меня, я согласен;

Чтобы сестра могла отдохнуть, я взял девочку к себе;

Мне говорили, отец ее уже умер;

Мы увидели двор, куда вошла сестра.

Именно эта группа — с индексом 111 — была представлена самым большим числом примеров, и потому в работе она была названа исходной интонемой.

Группа вторая. Индекс 211. (То есть она отличается от предыдущей размером паузы.) Примеры:

Хотя времени было много — она не успела собрать вещи;

Я не понимал этого — теперь я понял;

Насколько требовали обстоятельства — он был любезен...

(здесь при сохранении предписываемого грамматиками основного синтаксического значения появляется «дополнительное»: сопоставление, противопоставление).

Группа третья. Индекс 313. Интерпретируется как: пауза очень большая, темп ровный, мелодика первой части нисходящая, вторая синтагма расположена ниже по регистру. Примеры:

Я вышел: стало душно;

Он ушел незаметно, уйти открыто было нельзя.

Чаще всего в этой группе оказывались бессюзные межфразовые единства. Возникавшее «дополнительное» значение: важное для коммуниканта пояснение.

Группа четвертая. Индекс 333. Интерпретируется: большая пауза, мелодика первой части понижающаяся, быстрый темп второй части. В материале эта группа в основном была представлена межфразовыми единствами со скобками. Например,

Он был любезен (насколько требовали обстоятельства).

Итак, полученные данные дали также основания для экспериментально-фонетического пересмотра широко известного положения А. М. Пешковского, обозначенного выше как «компенсационный закон» Пешковского, то есть положение о том, что при опущении союза интонация становится более «яркой», чем при союзе. Наши данные продемонстрировали, что этому закону Пешковского подчинены только темпоральные показатели, но не мелодика.

Таким образом, было сформулировано положение о принципиальной функциональной неоднородности основных составляющих фразовой интонации — так называемых акустических параметров.

Именно это также было написано и в АГ 80, где автор соответствующего раздела Е. А. Брызгунова также — на другом материале — пришла к выводу о том, что

мелодика бессоюзных соединений не отличается от мелодики союзных.

В этой же нашей работе [Николаева 1969] было сформулировано и более существенное именно для задач, ставившихся в нашей работе, положение о том, что при чтении примеров — как исходных, так и трансформированных, выбор интонационной реализации предопределяется иерархией трех рядов сегментных показателей, влияющих на диктора. Это — Союзы, Знаки препинания и Лексический состав частей межфразового единства. Они организованы по иерархическому принципу: С > ЗП > Л (то есть Союзы важнее Знаков препинания, а те в свою очередь важнее Лексического состава). Не менее важным оказалось и то наблюдение, что эти ряды сами неоднородны по своей структуре, а именно: внутри каждого такого ряда сегментных показателей существуют показатели маркированные, например, присоединительный союз — для союзов, скобки — для знаков препинания, лексический состав типа *Стоило ему войти, все притихли* и под. — для лексических корреляций. Таким образом теоретически были обоснованы следующие ситуации: 1) сегментные показатели могут действовать как бы «в одном направлении» и они могут все быть немаркированными — тогда действует указанное выше правило иерархии; 2) они могут создавать разные комбинации маркированного и немаркированного в каждом ряду. Тогда естественным следствием является возможность одинакового интонационного воплощения при разных исходных комбинациях сегментных указателей. Например, *Лес рубят — щепки летят*. Здесь средняя величина паузы диктуется тире, знаком препинания. Она промолчала, и в этом был упрек — такая же величина паузы уже диктуется маркированным союзом и в присоединительном значении.

II

6. Спустя тридцать лет фактические данные интонационного эксперимента, излагавшиеся выше, по-прежнему могут считаться небезынтересными и новыми. Их реинтерпретация может дать дополнительные соображения для

обращения к теории межфразовых связей на современном этапе.

Прежде всего это относится к преувеличенной тогда значимости знаков препинания.

Во-первых, они сейчас не так интересны, поскольку, как это важно понять, они являются по сути такой же, хотя и более упрощенной, «упаковкой», как и интонационные модели. Более важна и интересна теперь нерешенная проблема содержательной сути межфразовых отношений.

Во-вторых. Внутри каждого ряда сегментных показателей более целесообразно говорить о системе шкалированных отношений, а не о биполярной системе: маркированные/немаркированные компоненты смыслового ряда. В связи с этим хочется обратить внимание на устное высказывание В. А. Виноградова, сделанное им осенью 1999 года на Конференции по фонетике и фонологии в Звенигороде о том, что лингвистика перехода к XXI веку — это прежде всего лингвистика шкалирования и градуальности.

В-третьих. Можно высказать предположение, которое, правда, в неочевидной или близкой к очевидной форме высказывалось и ранее, что интонационные параметры не коррелируют напрямую с системой союзов, а выражают некие дополнительные отношения внутри своей системы, которые — в силу особенностей манифестации интонационных данностей — накладываются сложным образом на линейные структуры.

Предложения, состоящие из нескольких фраз, знаменательны тем, что в них есть перерывы — это точки, где кончается одна фраза и ожидается другая. В соответствии с теорией информации эти точки являются максимально нагруженными информационно, здесь происходит как бы напряжение ожидания, поэтому именно однооднозначная трактовка межфразовых отношений часто является упрощенной.

7. Таким образом, мы приходим к выводу о сосуществовании нескольких систем при интонационной реализации межфразовой связи. Важно понять и еще раз подчеркнуть тот накопленный интонационной эмпирией факт, что при реализации этой связи разные параметры

по-разному свободны. Это значит, что в некоторых случаях говорящему предоставляется свобода — как прочтения, так и толкования, в других же структура межфразовых корреляций диктует интонационное воплощение. Таким образом, для говорящего есть как бы три ясно очерченные ступени шкалы: 1) прочесть без выбора (например, в работе 1969 года все единообразно прочли единство: *Вы не хотели его обидеть, я верю*); 2) вторая ступень — внести элемент дополнительной семантики или «второго набора» или не внести: *Он был любезен, насколько требовали обстоятельства*; 3) третья ступень — оформить это непредсказуемыми для экспериментатора семантическими возможностями интонационных параметров. Это шкалированное распределение зон свободного выбора и зон жесткой нагруженности при окончательном воплощении (как письменном, так и устном) речевых фрагментов относится, конечно, не только к межфразовым связям, но вообще к порождению текста любой сложности — равно, как и к интерпретации любых речевых фрагментов.

Итак, нагруженность/нейтральность межфразовой семантики может быть большей или меньшей степени, и ее распознавание определяется гораздо большим числом действующих факторов, чем это обычно предполагается в синтаксической теории.

8. Об одном из таких факторов, как правило, не упоминающихся в теории сложного предложения, скажем ниже. Это — понятие цельности сообщения. Иначе говоря, адресант рассматривает событие в его целостности, не разделяя на части, соответствующие «фразам». Информация о событии как будто «сканируется». Для синтаксической теории существенно то, что цельностью могут обладать и сложные высказывания как целое, так и отдельные его части — фразы.

Приведем некоторые примеры. Так, наименьшей нагруженностью стыка между «фразами» и тем самым наибольшей цельностью обладают союзные высказывания типа *где, куда, что, когда*: *Я не знаю, где эта книга; Говори, что хочешь* и под. Кстати, в ряде языков,

например во французском языке, в подобных случаях запятая перед союзом не ставится.

Гораздо большей семантической нагрузкой «стыка» обладают высказывания, где общее значение цельности события имеет первая часть. Тогда вторая как бы присоединяется к ней, и семантика «стыковки» приобретает разные смысловые оттенки.

Человек со стороны был бы поражен, если бы мог быть такой человек;

Ей стало грустно, так как разговор не получился.

В свете положений о цельности становится очевидным, что те высказывания, которые у меня тогда обозначались и манифестировались через так называемую «исходную» интонемику, то есть высказывания с индексом 111 (пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая), можно теперь интерпретировать как высказывания цельные:

Я понял, что был неправ;

Мы вошли в подъезд, куда вошла сестра.

Пользуясь языком современного синтаксиса, можно сказать, что сфера сказуемого главного предложения (score) охватывает в своей семантической валентности и придаточное. Вот несколько примеров из АГ 80:

Федя никогда не плакал, зато находило на него временами дикое упрямство;

В поэме было точно названо место действия, так что не спугаешь;

Тут помереть надо, чтобы забыть такое приключение;

Я не беспокоился, хотя к вечеру у нее сделался небольшой жар.

9. Что происходит на промежуточном этапе, когда все высказывание в целом не является цельным? Именно тогда начинают работать при реализации смысловых межфразовых связей дополнительные системы. О них говорилось выше. Это значения противопоставления, сопоставления, результата и т. д. Почему же мы их называем «дополнительными»? О дополнительной, как кажется, приходится говорить тогда, когда речь идет о сложнопод-

чиненном предложении и семантике его межфразовой связи. «Основная» связь, по нашему мнению, тогда передается через союз, а дополнительная — через до сих пор еще не сформулированные как перечень корреляции лексических составов обеих частей.

10. Однако — и именно это выносится на обсуждение — эти системы, основная и дополнительная, не параллельны между собой, а между ними существуют сближения в определенных точках общего смыслового поля синтаксиса сложного предложения.

Например, придаточные со значением изъяснения, присоединения, следствия в этом отношении неравны придаточным времени, дополнительным и проч. Например, *Она промолчала, что послужило мне укором*. Здесь произошла манифестация «дополнительного» значения в явном виде, и подобные предложения уже по всем правилам таксономического синтаксиса включаются в общий перечень типов сложноподчиненного предложения.

Итак, заключая, я считаю, что можно говорить о трех системах содержательных шкал, реализующихся при манифестации адресантом высказываний, состоящих более чем из одной фразы. Это: 1) заданные линейным синтаксисом полевые отношения между фразами, которые принято связывать с союзными отношениями, то есть с главными и придаточными предложениями; 2) та смысловая гамма, которая передается интонационными параметрами, главным образом темпоральными; 3) отношения между событиями, отражаемыми в соединяемых фразах, то есть степень законченности первого или второго событий или же всего сообщаемого события в целом, и налагаемые при этом или не налагаемые дополнительные смыслы.

11. Таким образом, предлагается в исследовании реализации межфразовых отношений понимать, что при «стыковке» двух фраз в единое оформленное целое несомненно есть схождения в семантике этих фраз, но есть и блокирование для их семантического объединения.

То есть мы имеем дело с совокупностью смысловых шкал при разной степени свободы их сочетаемости и реализации.